

19 июня на Ваганьковском кладбище в Москве похоронили Михаила Андреевича Глузского. Всякий ушедший незаметно, каждая потеря невозполнима. Но с уходом Михаила Андреевича тяжелейшую потерю понесли не только искусства экрана и сцены. Он был из тех, при ком стыдно кривить душой, мельчить и подличать, ссылаясь на провоцирующие обстоятельства. Его судьбу складывали обстоятельства самые разные, а Михаил Андреевич оставался воплощением достоинства – в жизни и в профессии. Он был, что называется, веселый артист – с взрывным темпераментом, с тягой к острому рисунку, к весомому слову, к сокрушению всяческих стереотипов. Кино долго испытывало его: сначала клеймом “отрицательного персонажа”, затем малыми ролями и только потом допустило до роли главной,

вероятно, во всей его актерской биографии. Его профессор Сретенский в “Монолог” Ильи Авербаха лишен внешних признаков “профессорства”, принадлежности к определенной среде, касте. Глузский держал монолог о сути интеллигентности: об ответственности, деликатности, совестливости, добросовестности исполнения любых обязанностей, которые возлагает на человека жизнь, – и о беспомощности перед грубым бессознательным своеволием этой самой жизни, текущей мимо благородных нравственных правил. У интеллигента, у человека чести на пиру “обстоятельств” есть единственный выход: не сгибаться. Михаил Андреевич всю долгую свою жизнь спину держал прямо, мудрую свою голову носил высоко. В “Монолог” актером были явлены такая профессиональная изысканность и одновременно такая мощь, что следующей его ролью мог бы стать Король Лир. Глузскому довелось достойно поучаствовать в экранных и сценических постановках русской и зарубежной классики, но Лира в его судьбе не случилось – как и многого другого. На вопрос “о чем мечтаете” он отвечал совсем недавно – “сыграть главную роль”. Казалось, это шутка. Несбывшееся не отпечаталось в нем ни комплексами, ни разочарованным умалением усилий, которые иные оправдывают тем, что Гамлета (Лира) все равно не сыграть. Мастер и мастеровой, он выкладывался до предела во всякой работе – до последних дней. До последних дней взрывался благородной яростью, когда нужно было кого-то защищать, что-то отстаивать. До последних дней жил полно, чисто и светло. Похоронили мы одного из последних Хранителей этого света.

Экран и сцена. - 2001. - июнь (№ 24) - 43.